

KRASOVSKAYA Nataliya Rudol'fovna, *Cand.Sci. (Psych.)*, The Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1 Okhotny Ryad St, Moscow, Russia, 125007; goulina@gmail.com)

GULYAEV Andrei Anatol'evich, *Cand.Sci. (Philos.)*, Associate Professor of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University) (73 Zemlyanoi Val St, Moscow, Russia, 109004; andrey.gulyaev1966@yandex.ru)

LAKHTIN Artyom Yur'evich, *Cand.Sci. (Ped.)*, Associate Professor of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University) (73 Zemlyanoi Val St, Moscow, Russia, 109004; skbpgu@mail.ru)

VAKULENKO Antonina Nikolaevna, *Cand.Sci. (Ped.)*, Associate Professor of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University) (73 Zemlyanoi Val St, Moscow, Russia, 109004; antoninanv@mail.ru)

TECHNOLOGIES OF INFORMATION WARFARE AGAINST RUSSIA

Abstract. The subject of this article is the technology of information warfare against Russia. The methodological basis of the research is the content analysis of scientific works on information wars and power relations. The object of information attacks against Russia are the ways to realize power, which include resources (human and material), a set of rules and regulations, remuneration and persuasion. As the examples from the modern press show, an imaginary or real information occasion aimed at one or more ways of realizing power precedes each information attack. The purpose of such attacks is to change the policy of the state (up to the change of the political regime), which meets the interests of western countries. The ideological background of information warfare technologies against Russia is such a manifestation of xenophobia as Russophobia.

Keywords: information war, information occasion, ways of realization of power, sanctions, Russophobia, sovereignty

---

МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович — преподаватель департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; smitrahovich@fa.ru)

ВЛИЯНИЕ BREXIT НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ЭЛИТ ЕВРОПЫ И РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается Brexit с точки зрения влияния данного процесса и концептуально-го проекта на отношения России и Европейского союза в интерпретации политических элит. Публичные политики, партийные лидеры и функционеры, а также прочие игроки в политическом процессе, оценивающие развитие отношений РФ и ЕС, преломляют свои оценки событий и видение дальнейших собственных стратегий и задач внешней политики с учетом возможного выхода Соединенного Королевства из Европейского союза.

Ключевые слова: Брексит, российско-европейские отношения, Европейский союз, политические партии

В период после 2014 г. одним из главных нервов отношений Европейского союза с Россией стала политика санкций ЕС в отношении РФ. Британский референдум же о выходе из ЕС (за это решение проголосовали 51,9% избирателей) во многом смешивает карты сторонникам сохранения санкционного

режима в отношении России. Имеют значение как технические моменты в работе ЕС (без Лондона коалиция сторонников жесткой линии в отношении РФ будет слабее, например, в Совете ЕС, принимающем ключевые решения о санкциях [Кавешников, Матвеевский 2018: 209]), так и общеидеологические. *Brexit* дополнительно ослабляет и без того непрочную уверенность элит и обществ Запада в том, что Россию нужно воспринимать как некоего дивергента, субъекта, отклоняющегося от единственно верной модели поведения и развития, что может сказаться на следующих раундах продления санкций, а также на гораздо более далеких временных горизонтах.

Исход референдума (даже если в итоге *Brexit* не состоится) — это очень сильный ментальный удар по позиции: «теперь все будет только в рамках ЕС», «вам всегда теперь нужно будет договариваться именно с ЕС», «ЕС — это безальтернативная столбовая дорога» и т.п. Сторонники ЕС в политическом и финансовом истеблишменте, а также среди либерального и леволиберального мейнстрима в медиа, академической и экспертной среде предельно разочарованы. Значительная часть критики со стороны мейнстрима пришлась как раз на Россию, превращая борьбу с *Brexit* в борьбу с российской элитой как эксплуатантом идеи «отсталых людей вне дороги прогресса». Обвинения в адрес Москвы относительно прямого вмешательства в организацию *Brexit* (как позже — в выборы президента США) серьезной критики не выдерживают, но в идейном смысле Россия времен Владимира Путина со своей приоритетной ставкой на суверенитет неизбежно оказывалась по одну сторону баррикад с инициаторами выхода Великобритании из ЕС. Показателен тот уровень удовлетворения, с которым российские политические деятели, включая лидеров парламентских партий, указывали на недовольство значительной части граждан Великобритании перетоком суверенитета в Брюссель¹. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов говорил, что «следующими [на выход из ЕС] будут Голландия, Франция, не нравится это очень Италии». Лидер ЛДПР Владимир Жириновский назвал *Brexit* «подвигом британского народа»², а заодно предрек распад не только ЕС, но еще и НАТО. В данном случае важно не качество собственно данного политического прогноза, но его идейная и эмоциональная интенция.

Еврооптимисты были столь разочарованы именно потому, что навязываемая ими модель глобализации с отказом всех государств от своей культурной идентичности и большинства стран (за исключением США) от своего финансового и торгового суверенитета оказывается вовсе не такой популярной в массовом общественном мнении самих западных стран. Переживать опыт «переоценки ценностей» особенно сложно именно в Европе (а не, скажем, в США или Австралии) потому, что ЕС с самого своего формального создания по Маастрихтскому договору 1992 г. позиционировался как единственно возможный путь для Европы, единственный формат ее существования. Еврооптимисты сумели добиться того, что сам термин «ЕС» стал восприниматься как абсолютный синоним слова «Европа» («мы не должны выходить из Европы», «мы не должны говорить “нет” Европе», «нам нужны европейские стандарты» и т.п.). Подобная подмена терминов является, конечно, типичной манипуляцией общественным мнением и навязыванием ложного дискурса.

Подспудно, разумеется, еврооптимисты опасались и понимали, что их проект, начатый элитами и реализуемый ими, вовсе не обязательно удастся навязать обычным гражданам. Инокультурная иммиграция уже привела к тому, что

¹ Зюганов: англичане «наелись брюссельской бюрократии». 24.06.2016. Доступ: <https://rueconomics.ru/181033-zuganov-anglichane-naelis-bryusselskoi-byurokratii> (проверено 03.05.2019).

² Жириновский назвал *Brexit* подвигом британского народа. 24.06.2016. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/515108> (проверено 03.05.2019).

тот же Лондон из британского города превратился, с точки зрения многих сторонников *Brexit*, в некий гибрид Пакистана и Польши. При этом евроинтеграция, как считают скептики, привела к уничтожению целого ряда традиционных отраслей экономики во многих странах. Для еврооптимистов и особенно финансового истеблишмента указанные тенденции (потеря странами ЕС своего экономического и культурного «лица» при встраивании в новые промышленные цепочки и в миграционные процессы) были приемлемы сами по себе, тем более что для высокооплачиваемого специалиста та же, например, исламизация вообще может не быть проблемой — человек просто будет жить в дорогом районе. Что же касается молодого поколения, то значительная часть людей до 40 лет по всей Европе являются продуктом очень масштабной пропаганды евроинтеграции, мультикультурализма и политкорректности (через систему образования, СМИ, лидеров общественного мнения). Но для людей более старшего поколения, а также для относительно молодых, но столкнувшихся с экономическими трудностями, в т.ч. из-за притока иностранной рабочей силы, а также из-за конкуренции на рынке труда с иммигрантами и их детьми, еврооптимизм стал быстро терять свою привлекательность. Еврооптимисты пытаются опрокинуть эти тенденции мощнейшим «медийным катком» («нельзя быть против ЕС, тогда ты будешь маргиналом», «быть против ЕС — это сектанство, отрезающее карьеру и приличные социальные контакты», «евроскептицизм — удел неудачников, отставших от жизни»). Однако в случае с Британией этот каток не помог, потому что просто абсурдно называть маргиналами 51,9% участников референдума.

Конечно, в Британии были и свои особенности, приведшие к победе евроскептиков, в том числе и давние традиции «островной самостоятельности», а также конкретные внутривнутриполитические ошибки Кэмерона, ошибшегося в расчетах. Поэтому далеко не факт, что мы увидим подобные референдумы в иных странах ЕС, крайне маловероятно, что евроскептики где-то одержат аналогичную победу. Хотя и победа евроскептиков в Британии тоже рассматривалась как маловероятная. Аналитики недооценили ту степень недовольства и раздражения, которые накопились у значительной части населения к элите. Кстати, отсюда же и феномен успеха Д. Трампа в США.

Для Москвы особенно важно, что санкции ЕС в отношении России подавались как часть идеологии еврооптимизма. Речь шла не просто о желании наказать Россию за Украину — на самом деле еврооптимисты просто не могли допустить, чтобы еще «какой иной вид Европы», олицетворяемый Путиным, мог существовать и претендовать на сепаратную от еврооптимистов повестку дня.

Именно поэтому еврооптимистам нельзя было допускать успеха *Brexit*: нельзя говорить на равных с партиями евроскептиков — тогда придется говорить с Путиным и принимать его (и *vice versa*). Нельзя признавать неправоту в миграционной политике. Во многом эти мотивы объясняют поведение А. Меркель: она по санкционным и многим иным сюжетам конфликтует с Путиным (пусть и соглашаясь под давлением бизнеса на «Северный поток-2») не только из-за Украины, она уже воспринимает Путина как иную консервативную модель («плохой консерватизм», «мачистский консерватизм»), которая внезапно может найти симпатии у ее же собственных сограждан. Не зря один из главных противников *Brexit* на континенте экс-премьер Бельгии и председатель фракции *ALDE* в Европейском парламенте Ги Верхофстадт подает себя как борца с Путиным и призывает к недопустимости даже малейшего отказа от еврооптимизма как единой идеи для Европы. Верхофстадт отметил в большой статье в левой *The Guardian* перед британским референдумом, в котором рассказал, что от *Brexit* выигрывает Путин.

Показательно, что менее честные, чем Верхофстадт или экс-посол США в Москве М. Макфолл, еврооптимисты сначала активно обращали внимание на то, как *Brexit* помешает самой России. Например, упадет цена на нефть, усложнится работа через финансовые площадки Лондона для привыкших к ним финансистам, затормозится роль мировой экономики и т.п. Но это либо уловка, либо отказ понимать политический контекст события (как будто есть абстрактная Британия, торгующая с абстрактной Россией, а конфликта и санкций между ними нет).

В реальности финансовые механизмы будут перенастроены, финансовый мир к *Brexit* адаптируется. Цена на нефть в июне 2016 г. на несколько дней упала просто по техническим причинам (упал фунт — вырос доллар, а сильный доллар опускает цену на нефть). Какого-то масштабного и долгосрочного влияния на нефтяные цены *Brexit* иметь не будет. А с точки зрения мировой экономики больше имеют значение события в США и Китае. Кризис же Европы, в т.ч. модели социального государства, развивался и развивается хоть с *Brexit*, хоть без него.

С политической точки зрения Россия от *Brexit* получает сразу несколько выгод.

Во-первых, даже если выход Британии из ЕС будет заторможен на неопределенный срок с помощью юридических уловок или даже еврооптимисты добьются нового референдума, все равно эта повестка дня теперь будет важнейшей для ЕС [Бабынина 2018]. Внимание и элиты, и медиа будет отвлечено на Британию, на возможный новый референдум по ЕС, на второй и почти неизбежный референдум в Шотландии. Всех будет занимать переосмысление того, что есть ЕС, зачем он нужен, и в какой форме, причем позиции еврооптимистов будут намного слабее, чем они были даже в начале 2016 г. Будет много скандалов с формой выхода Британии из ЕС, если он все же состоится. Еврооптимисты и еврократы сейчас ведут себя как «мстители» за «неправильный выбор», требуя от британцев «уходить быстрее», провоцируя дополнительный политический кризис в Соединенном Королевстве.

За всеми этими разговорами об интеграции, демократии и сути референдумов Евросоюзу будет просто не до России и не до поддержки Украины. Запрашиваемая Киевом повестка и так очень многим в ЕС надоела (об этом активно говорят на непубличных площадках, но пока молчат на публичных), а теперь от нее начнут просто отмахиваться.

Во-вторых, евроскептики по всей Европе ободрены *Brexit*, их усиление очень вероятно. Заметим, России выгоден евроскептицизм и правого («Национальный фронт» и т.п.), и левого толка с критикой навязываемой Германией и институтами ЕС политики экономии и сокращения расходов (*austerity*).

В некоторых странах существуют партии, между собой конфликтующие или даже находящиеся на разных полюсах, но их объединяют призывы к налаживанию отношений с Россией. Все более многочисленны случаи усиления евроскептиков и весьма неудобных для Брюсселя и вообще мейнстрима сил во многих странах [Бордачев, Казакова 2017: 31]. Яркий пример — Италия, где за отношения с Россией и против санкций выступают и левые популисты из «Пяти звезд», и правые евроскептики из «Лиги Севера». В регионах Италии, где сильна «Лига» (Венето, Ломбардия, Лигурия), местные советы уже принимали рекомендательные решения об отмене санкций и призывают признать Крым российским. В 2018 г. «Лига» в составе коалиции с партиями «Вперед, Италия» и «Братья Италии» победила на парламентских общенациональных выборах, лидер «Лиги» М. Сальвини сумел стать вице-премьером Италии. А представители «Пяти звезд» отлично выступили на июньских муниципальных выборах 2016 г., в т.ч. получив кресла мэров Рима и Турина. Основатель и первый лидер

«Пяти звезд» Б. Грилло неоднократно высказывался по вопросу о необходимости проведения референдума, подобного британскому.

В-третьих, без Британии, которая была «приводным ремнем» американцев в ЕС, влияние Вашингтона в Евросоюзе может ослабнуть. Да, останутся Польша и Прибалтика, а также часто выступающая с ними заодно Швеция, но Британия в этом списке «лучших и безусловных друзей Америки» всегда была самым главным игроком.

Впрочем, указанные эффекты являются долгосрочными. Пока же в период 2016–2018 гг. санкции ЕС продлевались. России придется вести тонкую игру, маневрируя между ставкой на союз с Германией и на союз с евроскептиками (не только немецкими из «Альтернативы для Германии»). Исполнительная власть и российские политические партии могли бы предложить свои собственные каналы связи, например треки межпарламентской дипломатии. Та же «Справедливая Россия» с ее опытом участия в Социнтерне, работы с европейскими социалистическими партиями могла бы одновременно и налаживать связи с евроскептиками левой направленности, и работать против имиджа РФ как исключительного «друга крайне правых», показывая, что у России более широкий диапазон коммуникаций. Как следует из высказываний секретаря президиума Центрального совета «Справедливой России» по международным вопросам А. Романовича, партия вполне способна активнее участвовать в обсуждении евроинтеграции со своими партнерами с целью и понимания, и купирования рисков дальнейшей эволюции этой интеграции в деструктивном по отношению к России направлении¹. Межпарламентскую дипломатию активно могла бы развивать и «Единая Россия», особенно с учетом наличия в партии таких опытных в данном вопросе фигур, как К. Косачев².

С одной стороны, желание дружить с Германией как главной страной континентальной Европы при минимизации влияния в ней англосаксов — это давняя мечта всей российской геополитики. Можно было бы делать ставку на Германию, рассчитывая, что она решит проблему с оппонентами России в Европе — с евробюрократами и польско-прибалтийским проамериканским альянсом. С другой стороны, нужно понимать, что отношения самой Германии с Брюсселем (институтами ЕС) неоднозначны. Германия была как раз одним из главных инициаторов и сторонников углубления евроинтеграции, полагая, что ЕС, Шенгенская зона и валютная зона евро будут выгодны Германии. Нынешний Берлин — никак не противник евробюрократии как таковой (Лондон, для сравнения, даже до *Brexit* как раз воспринимался «по стандартам континентальной Европы» как противник евробюрократии). Напротив, Берлин хочет использовать институты ЕС в своих интересах, полагая, что раз ФРГ — сильнейшая экономика, то и в институтах ЕС должны первую скрипку играть представители Германии.

Того, что Берлин через институты ЕС будет навязывать им пресловутую *austerity*, «жизнь по средствам», заберет остатки суверенитета и т.п., как огня бояться все периферийные страны ЕС. Они откровенно опасаются стать странами «второго сорта» [Кавешников 2017: 21]. Уже не только Греция с Португалией, но и Италия с Францией начинают опасаться, что в итоге попадут в «Четвертый немецкий рейх», который будет называться Европейским союзом, но реально управляться из Берлина, а Брюссель будет просто инструментом Берлина. Эксклюзивная

¹ Романович А.: ЕС заранее пытается свалить на Москву вину за возможный успех на выборах евроскептиков-правопопулистов. 17.12.2018. Доступ: <http://www.spravedlivo.ru/9351110> (проверено 03.05.2019).

² Косачев К. Межпарламентский союз и Россия: история сквозь века. 01.10.2017. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mezhparlamentskiy-soyuz-i-rossiya-istoriya-skvozveka/> (проверено 03.05.2019).

ставка Москвы на Берлин может начать очень беспокоить иные страны. Это уже видно, например, по позиции Италии против «Северного потока-2».

Если бы Россия могла иметь столь существенное влияние на Германию, какое имеет Америка, то и евробюрократия не была бы для Москвы проблемой. Но Россия гораздо слабее США, Москва никак не может претендовать на то, чтобы контролировать Германию, а через нее — и Брюссель. В Германии за сближение с Россией, помимо евроскептиков и значительной части бизнеса, выступают часть СДПГ и еще ряд политических сил. Но нужно отдавать себе отчет, что значительная часть ХДС, лично Меркель и очень большая, мейнстримная часть прессы категорически отрицательно относятся к «кооперации с Путиным». Это дополнительно затрудняет однозначную и эксклюзивную ставку Москвы на Германию.

Тонкая игра России могла бы заключаться в апелляции к возможностям Германии усилить свои позиции в Европе с помощью статуса «распределителя» российского газа при параллельной работе с евроскептическими партиями по всей Европе. Этой апелляцией мог бы заниматься не только МИД, но и партии по каналам межпарламентской дипломатии. Чем больше чехарды, неразберихи и референдумов по всевозможным сессиям будет в странах ЕС, тем сложнее будет поддерживать курс санкций в отношении России и тем больше будет у Германии причин и стимулов снова наладить двусторонние особые отношения с Россией. А опираясь на эти отношения, Германия могла бы либо менять ЕС, делая его менее враждебным к России, либо строить некую новую Европу вместо ЕС («Евросоюз разных скоростей» и т.п.). На этот раз — строить вместе с Россией и с большим учетом интересов Москвы, чего никогда не хотел делать ЕС.

Список литературы

Бабынина Л.О. 2018. Великобритания и ЕС: перспективы сотрудничества. — *Современная Европа*. № 4. С. 57-67.

Бордачев Т.В., Казакова А.В. 2017. Современная Европа и национальный интерес России. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 1(52). С. 21-35.

Кавешников Н.Ю. 2017. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 14-24.

Кавешников Н.Ю., Матвеевский Ю.А. 2018. *Европейский союз: история, институты, политика*: учебник (под ред. Н.Ю. Кавешникова). М.: Аспект Пресс. 320 с.

MITRAKHOVICH Stanislav Pavlovich, Lecturer at the Department of Political Science and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, GSP-3, Russia, 125993; spmitrahovich@fa.ru)

IMPACT OF BREXIT ON THE POLITICAL AND IDEOLOGICAL CONFLICT OF EUROPEAN AND RUSSIAN ELITES

Abstract. The article deals with Brexit in terms of the impact of this process and the conceptual project on the relations of Russia and the European Union in interpretation of the political elites. Public politicians, party leaders and functionaries, and also the other players in political process who estimate development of the relations of the Russian Federation and the EU interpret their view on events and vision of further own strategies and problems of foreign policy taking into account a possible exit of the United Kingdom from the European Union.

Keywords: Brexit, Russia-Europe relations, European Union, political parties